Зеркало полуночи

Кровь хранителей

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Каролина Карташ

Каролина Карташ

Зеркало полуночи. Кровь Хранителей

«Автор»
2026

Карташ К.

Зеркало полуночи. Кровь Хранителей / К. Карташ — «Автор», 2026

Мой эльфийский род уничтожен. Я пришла в Академию Четырех Граней ради мести палачу моей семьи. Чтобы уничтожить его, я пошла на безумный риск и вскрыла секретный Архив. Но на месте преступления меня поймал он — Аларик Вон Штерн. Высший вампир, ледяной лорд, подчинивший меня своей воле. Теперь мы разыгрываем ненависть на публике, пока ночью между нами вспыхивает пожар страсти. На кону — моя жизнь и тайный Кровавый ритуал.Я как писатель буду рада если прочтёте мою книгу и будете оставлять комментарии, чтобы я могла улучшать её.

© Карташ К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шаг в змеиное логово. 5
Глава 2. Этикет и сорняки. 12
Глава 3. Зеркала чужого разума(Рик) 17
Глава 4. Арена и чешуйчатые проблемы. 19
Глава 5. Пыльные папки. 23
Глава 6. Осколки прошлого. 26
Глава 7. Шаги в чёрном бархате. 28
Глава 8. Танго на лезвии ножа. 31
Глава 9. Тлеющий пергамент. 34
Глава 10. Лёд и паранойя. 36
Глава 11. Кабацкие правила. 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Зеркало полуночи. Кровь Хранителей

Глава 1. Шаг в змеиное логово.

Дорожный дилижанс, запряженный четверкой скальных ящеров, трясло так, будто они ехали не по королевскому тракту Валории, а по хребту разъяренного дракона.

Меня зовут Элисса Иллитиэль — для своих просто Лисс — сидела в самом углу хлипкой кабины, подперев подбородок кулаком, и меланхолично смотрела в окно. За мутным, покрытым сеткой трещин стеклом расстилался Окхейвен. Городок встретил меня именно так, как о нем шептались в портовых тавернах столицы: серо, сыро и чертовски мрачно. Туман здесь не просто полз по земле, он лежал жирным, тяжелым пластом, заглатывая черепичные крыши невысоких каменных домов, вывески лавок и редкие магические фонари, которые светились тусклым, болотным светом.

Окхейвен был выкидышем цивилизации на самой границе с Дикими Землями. Единственной причиной, почему этот Богом забытый кусок скалы до сих пор не стерли с карты монстры, была Высшая Академия Четырех Граней. Огромный замковый комплекс возвышался над городом, словно гигантская корона из черного гранита.

— Ну и дыра, — негромко резюмировала я, поправляя воротник старой кожаной куртки. — Даже крысы здесь, небось, дохнут от депрессии.

— Зря вы так, леди, — подал голос сидевший напротив толстый торговец-человек, всю дорогу испуганно косившийся на мои длинные, изящно заостренные эльфийские уши. — Окхейвен — приличное место! Торговля идет, магистры платят золотом за редкие ингредиенты. А уж Академия… Сама корона Валории спонсирует! Четыре высшие расы под одной крышей. Великое достижение мира!

Я цинично ухмыльнулась, обнажив ровные белые зубы.

— Великое достижение? — мой голос прозвучал как шелест сухой травы. — Собрать в одном закрытом пространстве чешуйчатых эгоистов, блохастых переростков, бледных кровососов и высокомерных эльфов, которые считают себя пупами земли? Это не достижение, уважаемый. Это пороховая бочка. И кто-то очень умный просто ждет, когда фитиль догорит до конца.

Торговец сглотнул, вжался в сиденье и больше за всю дорогу не проронил ни слова.

Я отвернулась обратно к окну, ленивым движением перебрасывая через плечо свою гордость и одновременно главное проклятие — тяжелые серебряные волосы. Мои волосы были чудом природы, редчайшим даром крови: чистый, жидкий лунный свет, спускающийся густым, осязаемым шелком до самых ягодиц. Толщиной в моё запястье, эта серебряная лавина вечно привлекала ненужные взгляды. Эльфийское наследие я презирала. Как и шелковые платья, дворцовый этикет и высокопарные речи.

У меня было точеное, фарфоровое лицо истинной благородной девы, тонкий аристократичный нос и чувственные губы, которые я вечно кривила в издевке. Огромные глаза цвета грозового неба меняли оттенок от пепельного до глубокого стального, когда я злилась. Но этот ангельский образ мгновенно рушился, стоило взглянуть на мою фигуру и повадки. Высокая грудь, затянутая в тугой черный топ, узкая талия и округлые бёдра, обтянутые потертыми кожаными штанами. На руках красовались черные митенки, скрывающие мозоли от рукоятей ножей. Вместо изящных движений — хищная осанка бойца, вместо нежных речей — отборный яд. На моём теле под одеждой прятались десятки шрамов. Самый заметный — рваный след на ключице от орочьего тесака и бледная полоса на шее, память о подпольных боях.

В мои двадцать три года жизнь успела знатно потаскать меня по грязным закоулкам. Мне было всего семь, когда наше родовое поместье Иллитиэль вспыхнуло, как сухой хворост. Я до

сих пор помнила этот день в кошмарах: удушливый дым, крики матери, хруст костей и кровь, заливавшая белые мраморные полы. Кто-то из своих предал наш род, вырезав всех до единого. Меня мать успела вытолкнуть в потайной ход, заклинив за собой дверь. С тех пор я выживала на улицах человеческих городов. Я воровала хлеб, спала на гнилой соломе, нанималась в охрану к сомнительным торговцам и дралась на нелегальных подземных аренах. Там, среди грязи и мата, я выгрызала победу у громил вдвое больше меня. Я научилась материться как портовый грузчик и не верить ни единому живому существу.

В Академию Четырех Граней я приехала не за знаниями. Квота для «одаренных сирот», которую щедро выделил император, стала моим золотым билетом в закрытые архивы Окхейвена. Где-то здесь, среди древних манускриптов, хранились имена тех, кто устроил ту бойню шестнадцать лет назад. И я собиралась их найти. Даже если ради этого придется сжечь эту Академию дотла.

Дилижанс с жутким скрипом затормозил у подножия огромных кованых ворот.

— Приехали, — буркнул кучер, даже не слезая с козел.

Я подхватила свой потрепанный, видавший виды кожаный баул, швырнула торговцу на прощание глумливый салют двумя пальцами и выпрыгнула на мокрую брусчатку.

Воздух Окхейвена пах озоном, сыростью и едва уловимым горьковатым ароматом магии. Прямо передо мной раскинулся внутренний двор, плавно переходящий в циклопических размеров Общий Зал — единственное место, где студенты разных блоков могли находиться вместе.

Академия была устроена строго и логично, отражая хрупкий мир Валории. Четыре изолированных крыла-грани. Серебряный Сад — белокаменные оранжереи для эльфов. Огненный Пик — скальная, вечно дымящаяся башня драконов. Лесной Чертог — грубые деревянные постройки и охотничьи угодья оборотней. И Полуночный Бастион — мрачные подземные ярусы и готическая замковая часть, отданная вампирам. Блоки были разделены, границы охранялись заклинаниями, и соваться на чужую территорию без приглашения было чревато быстрой и болезненной смертью.

Я закинула баул на плечо и уверенно зашагала к массивным дубовым дверям Общего Зала. На мне были привычные облегающие кожаные штаны, грубые шнурованные сапоги на толстой подошве и короткая куртка поверх чёрного топа. Никакой академической формы — плевать я на неё хотела.

Общий Зал поражал масштабами. Высокие готические своды уходили в темноту, стены украшали гобелены с изображением великих битв, а в огромном камине, где мог бы целиком зажариться бык, полыхало магическое зеленоватое пламя. Пространство уже было заполнено студентами, и разделение на касты бросалось в глаза сразу.

У камина, громко хохоча и попивая что-то из кубков, кучковались драконы — рослые, надменные, в одеждах с золотым шитьём. Чуть поодаль, на широких скамьях, расположились оборотни. Они вели себя шумно, толкались, в шутку рычали и щёлкали зубами, от них веяло дикой, необузданной силой. Эльфы держались особняком у панорамных окон, брезгливо поглядывая на остальных и напоминая стайку идеальных фарфоровых кукол. Вампиры… о, вампиры заняли самую затенённую часть зала, устроившись в креслах с высокой спинкой. Бледные, безупречные, опасные.

Я шумно выдохнула и направилась к стойке регистрации. На полпути мой баул зацепился за чью-то массивную ногу. Я покачнулась, но устояла, а из моего рта мгновенно вылетело:

— Какого хрена?! Убери свои грабли с дороги, пока я их не укоротила по самые помидоры!

Я резко обернулась, готовая к драке, но наткнулась взглядом на широченную, как платяной шкаф, грудь. Передо мной сидел парень. Нет, не парень — скала. Огромный, широкопле-

чий, с копной растрёпанных русых волос и добродушным, несмотря на шрамы, лицом. На нём была простая жилетка на голое тело, демонстрирующая бугристые мышцы. Оборотень.

Медведь-оборотень, судя по габаритам и тяжёлому, спокойному запаху хвои и зверя.

Парень удивлённо моргнул, глядя сверху вниз на невысокую меня, которая едва доставала ему до груди, но топорщилась, как рассерженный дикобраз.

— Оу, полегче, мелкая, — прогудел он густым басом, в котором слышалось рокотание. — Я не специально. Просто ноги длинные, девать некуда. Меня Бьорн зовут. Из Лесного Чертога.

— А меня Лисс. Из кустов, — огрызнулась я, но внутреннее напряжение чуть спало. Оборотень не проявил агрессии, а его энергетика была на удивление тёплой. — Следи за своими конечностями, Бьорн. В следующий раз споткнусь — расценю как нападение и выращу у тебя в заднице кактус. Моя эльфийская магия это позволяет.

Бьорн на секунду замер, а потом оглушительно, на весь зал расхохотался, хлопнув себя по огромному бедру.

— Кактус в заднице? Ха! А ты мне нравишься, Лисс! Дерзкая. Эльфы обычно такие зануды, ходят с выражением лица, будто им под нос подсунули тухлую рыбу. А ты… ты правильная. Будем дружить.

— Я не дружу, я сосуществую, — буркнула я, но уголок моих губ дрогнул в едва заметной улыбке. — Ладно, медведь, бывай. Надо отметиться у коменданта.

Я сделала шаг, но Бьорн вдруг резко посерьёзнел. Его ноздри дрогнули, он шумно втянул воздух и приглушенно рыкнул:

— Лисс, стой. Назад.

Но было поздно.

Двери в противоположном конце зала распахнулись, и в Общий Зал вошла группа вампиров. Шум в помещении мгновенно стих, словно кто-то щелкнул выключателем. Студенты инстинктивно расступались, освобождая дорогу.

Впереди шел он.

Аларик Вон Штерн. Негласный хозяин Полуночного Бастиона, староста вампирского крыла и кошмар для любого, у кого в жилах текла тёплая кровь. Ему было триста двенадцать лет, но выглядел он на двадцать пять. Высокий, безупречно сложенный, он двигался с грацией матерого хищника, который точно знает, что в этом лесу у него нет конкурентов. У него была дьявольски красивая, хищная внешность: иссиня-черные волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая безупречный высокий лоб и аристократическое лицо с резкими, точеными скулами. На его бледной, словно изваянной из тончайшего мрамора коже не было ни единого изъяна. Тонкие, четко очерченные губы сейчас были сжаты в холодную линию. На широких плечах покоилась тяжелая черная мантия с кроваво-красным подкладом, которая едва заметно колыхалась в такт его шагам, открывая взгляду дорогую черную шелковую рубашку и фамильный перстень с багровым рубином на длинном пальце. Но главным в его внешности были глаза. Жидкое, сияющее золото, в глубине которого таилась вековая, гипнотическая тьма. Когда он злился или испытывал голод, этот золотой омут мгновенно темнел до багрового, почти черного цвета.

Я, не привыкшая перед кем-то кланяться, осталась стоять прямо на его пути. Мой тяжёлый кожаный баул с глухим стуком опустился на идеально чистый мраморный пол. От резкого движения длинные серебряные волосы соскользнула с плеча и качнулась вдоль бёдер, рассыпаясь лунными искрами.

Аларик остановился в двух шагах от меня. Его золотые глаза медленно, с явным пренебрежением скользнули по моей фигуре — от потрепанных уличных сапог до вызывающе обтянутых кожей бёдер, задержались на невероятной длине серебряных волос и, наконец, остановились на лице.

В воздухе между нами мгновенно повеяло могильным холодом. От вампира пахло дорогим парфюмом с нотами сандала, горьким шоколадом и… чистой, концентрированной опасностью.

— Если эта рафинированная бледная немочь ещё раз посмотрит на меня так, будто я наступила на его любимую фамильную летучую мышь, я вырву ему клыки и сделаю из них ожерелье, — громко, на весь притихший зал произнесла я, обращаясь скорее к Бьорну, но глядя прямо в глаза вампиру.

Рядом стоявшая эльфийка-отличница из Серебряного Сада испуганно пискнула и попыталась слиться со стеной, судорожно поправляя идеально отглаженную зелёную мантию. Бьорн за моей спиной шумно вздохнул и инстинктивно подался вперёд, готовый закрыть меня своим телом.

— Дикое создание, — тихо, но отчётливо произнёс Аларик. Его голос прозвучал как шелест бархата по лезвию ножа — низкий, завораживающий, от которого у половины присутствующих девушек подкосились коленки. Только не у меня. — Ты ошиблась дверью, эльфийка. Скотный двор для оборотней находится с другой стороны замка. Убери свой хлам с прохода, пока я не заставил тебя сожрать его. И прибери свои… патлы, ты подметаешь ими пол моей Академии.

Я хищно оскалилась. Весь мой уличный опыт, вся злость на этот мир и врождённое упрямство вскипели внутри за долю секунды. Я сделала шаг вперёд, сокращая дистанцию так, что почти уперлась лицом в его грудь, ощущая исходящий от него ледяной холод. Я заглянула прямо в его золотые глаза:

— Послушай меня сюда, клыкастый кусок аристократии. Если ты сейчас же не уберёшь своё высокомерное лицо из моего поля зрения, я засуну этот хлам тебе туда, откуда у тебя даже магия крови не выйдет. А за «патлы» я могу и намотать тебя на эти волосы, проверим, насколько прочная у высших вампиров шея. Понял?

По залу пронёсся коллективный вздох. Драконы перестали ржать. Оборотни замерли. Никто. Никогда. Не разговаривал так с Алариком Вон Штерном.

Лицо вампира окаменело. Его золотые глаза внезапно вспыхнули багровым, голодным огнём. В Общем Зале мгновенно похолодало так, что у студентов изо рта пошёл пар. Воздух стал густым, тяжёлым, давящим на плечи с колоссальной силой. Это была аура ментального подчинения — абсолютный дар Аларика, перед которым склонялись короли.

«На колени. Извинись. Покорись», — беззвучно, но с силой тектонического сдвига приказала его воля, направленная прямиком в мой разум.

Я замерла. Мои зрачки на секунду расширились, отражая багровый блеск его глаз. Аларик Вон Штерн уже было победно усмехнулся. В его золотых глазах на долю секунды промелькнуло что-то странное... Мне даже показалось, что этому вековому Кровососу стало немного жаль мою строптивую серебряноволосую персону. Подавись своей жалостью, Вон Штерн, уличные дикарки в ней не нуждаются.

Вдруг в глубине сознания вампира что-то оглушительно звякнуло. Словно тяжёлая кувалда со всего размаху ударила по хрустальному зеркалу.

Его собственный ментальный приказ — *«На колени!»* — с бешеной силой отрикошетил от невидимого, неощутимого щита внутри моего разума и ударил его самого по затылку. В висках Аларика запульсировала дикая, разрывающая острая боль. Его собственные ноги на мгновение потяжелели, налившись свинцом, требуя… подчиниться мне. Выполнить собственный приказ в отношении самого себя.

Вампир едва заметно покачнулся, перенеся вес на одну ногу, чтобы удержать равновесие и не опозориться перед всем залом. На его бледном лбу выступила холодная испарина. Он в ужасе, недоумении и тщательно скрываемом шоке уставился на меня. Его магия… его безупречная, трёхвековая сила подчинения просто разбилась. Отразилась.

Я, абсолютно не заметившая ментальной бури в его голове, лишь сладко зевнула, прикрыв рот ладошкой с аккуратными, но острыми ноготками, а затем посмотрела на него со своей фирменной язвительной ухмылкой. Я была уверена, что у меня просто сильный характер, а у вампира — какие-то проблемы со здоровьем. На тот момент я знать не знала, что глубоко в моей эльфийской крови спал редчайший, стёртый из истории Зеркальный Щит Древних.

— Что, клыкастый, глазки зашалили? — насмешливо протянула я, демонстративно поправляя тяжелую копну волос на плече. — Ты так тужишься, будто у тебя триста лет запора, а не вековой мудрости. Лопнешь ведь прямо тут, кто за тобой куски аристократии отмывать будет? Учти, я не нанималась.

Я наклонилась, легко, словно пушинку, подхватила свой тяжеленный баул и, намеренно с силой задев Аларика плечом, зашагала в сторону коридоров Серебряного Сада.

Бьорн, быстро придя в себя, поспешил за мной, на ходу оборачиваясь и бросая на вампира ошарашенные взгляды.

Аларик Вон Штерн остался стоять посреди зала. Он смотрел мне вслед, провожая взглядом покачивающуюся в такт шагам серебряную лавину волос, которая дразняще скользила по моим бедрам. Его сердце, которое не билось уже триста двенадцать лет, испуганно, глухо и болезненно стукнуло в груди всего один раз.

Что она, черт возьми, такое?! — пронеслось в его разорванном ментальной болью сознании.

Элисса Иллитиэль

Аларик Вон Штерн

Глава 2. Этикет и сорняки.

Серебряный Сад полностью оправдывал своё пафосное название. В отличие от мрачного гранитного монолита, в котором ютились вампиры, эльфийское крыло Высшей Академии Четырёх Граней напоминало ожившую сказку из старых свитков. Белокаменные стены, увитые светящимся плющом, высокие стрельчатые окна и стеклянные купола, сквозь которые даже в самый туманный день струился мягкий рассеянный свет. Воздух здесь был теплым и пах цветущим жасмином.

Я шла по коридору жилого яруса, намеренно громко стуча тяжёлыми каблуками уличных сапог по идеально чистому мозаичному полу. Эльфы, попадавшиеся мне навстречу, провожали меня такими взглядами, словно в их безупречный стерильный рай забрёл нечесаный орк. Лорды и леди в струящихся шелковых мантиях зелёных и пастельных тонов испуганно шарахались от моей потрепанной кожаной куртки и баула.

— Тьфу, рафинированные, — тихо буркнула я, сверкнув глазами цвета грозового неба. — Смотрят так, будто я им в фамильный суп плюнула.

Я сверилась с выданным на стойке регистрации жетоном и остановилась перед дубовой дверью с номером «214». Я толкнула её ногой, даже не подумав постучать.

Комната оказалась просторной и светлой. Две кровати с резными столбиками, два письменных стола из белого дерева и огромное окно с видом на внутренний сад. У одной из кроватей уже стояла девушка. Идеальная, до тошноты правильная эльфийка. Её золотистые волосы были уложены волосок к волоску, а изумрудная мантия сидела так безупречно, словно её шили лучшие придворные портные столицы.

При моём появлении девушка вздрогнула и выронила из рук фарфоровую чашечку, которая, впрочем, не разбилась, а мягко зависла в воздухе благодаря бытовому заклинанию.

— Ой! — пискнула золотистая, испуганно глядя на вошедшую дикарку и особенно на серебряные волосы, спускавшуюся ниже моих бёдер. — Ты… ты моя новая сожительница? Элисса?

Я поморщилась, с грохотом швырнула свой баул прямо на вторую, пока ещё чистую кровать и по-хозяйски уселась сверху, закинув ногу на ногу.

— Во-первых, Лисс, — отрезала я, выуживая из кармана куртки зубочистку и отправляя её в рот. — Во-вторых, если ты еще раз назовешь меня этим приторным коровьим именем, я завяжу твои уши бантиком на затылке. Усекла, блондинка?

Эльфийка судорожно сглотнула, поймала-таки зависшую чашку и сделала шажок назад.

— Я… я Мирацель, — робко представилась она, судорожно поправляя воротничок. — Дочь лорда из Южных Лесов. Рада… знакомству. А почему ты без формы? Нам ведь выдали мантии…

— Форму? — Я цинично ухмыльнулась, окинув взглядом висевшую в шкафу зелёную академическую мантию. — Эта тряпка стесняет движения. В ней ни драку нормальную не устроить, ни от стражи удрать. Так что пусть висит. И вообще, Мира, давай сразу договоримся. Ты не лезешь в мои дела, я не трогаю твои баночки с притирками. Если я прихожу посреди ночи в крови или грязи — ты спишь и ничего не видела. Договорились?

Мирацель округлила и без того большие глаза и кивнула так часто, словно её шея превратилась в пружину. Кажется, соседство обещало быть незабываемым.

Долго рассиживаться в комнате не пришлось. Магический колокол, прозвучавший над Академией Четырех Граней, созывал первокурсников на первую вводную лекцию. Предмет назывался «Общая история и расовое взаимодействие», и вести его должен был декан некромантов, магистр Мортимер. Это занятие было одним из немногих, где все четыре блока собирались вместе в огромной Большой Аудитории.

Когда я и плетущаяся позади меня в роли живого щита Мирацель вошли в зал, там уже стоял гул. Аудитория напоминала амфитеатр с крутыми рядами лавок. И снова расы разделились инстинктивно. Драконы оккупировали центр, оборотни шумели на нижних ярусах ближе к выходу, эльфы чинно заняли правое крыло. Я же, не долго думая, направилась на самый верх — на галёрку, подальше от всеобщего внимания.

Проходя мимо средних рядов, я кожей почувствовала, как атмосфера вокруг резко потяжелела. Воздух словно превратился в жидкий лёд. Я лениво повернула голову и наткнулась на пару сияющих золотых глаз.

Аларик Вон Штерн сидел в окружении своих приближенных вампиров. На нём была всё та же безупречная чёрная мантия, но сейчас он не выглядел расслабленным. Его бледные пальцы сжимали дорогое перьевое перо с такой силой, что оно едва заметно трещало. Весь его аристократический вид буквально кричал о контролируемой ярости. Он не сводил с меня пристального, гипнотического взгляда, словно пытался прожечь во мне дыру или заглянуть прямо в душу, чтобы разгадать мой секрет. Его магия принуждения, которая утром дала осечку, сейчас тихо вибрировала вокруг него, но он не рисковал применять её открыто.

Я остановилась прямо напротив его ряда. Большинство студентов под таким взглядом высшего вампира уже ползли бы к выходу на четвереньках, но я лишь глумливо вскинула брови. Я демонстративно медленно перебросила через плечо свою тяжёлые серебряные волосы, заставив их скользнуть по бедру, и ослепительно, совершенно издевательски улыбнулась Аларику.

— Что, кровосос, опять глазки пучишь? — громко, так, чтобы слышали сидящие рядом, выплюнула она. — Смотри, а то зрачки выпадут, ловить замучаешься. Купи себе очки, если так плохо видишь.

Один из сидевших рядом с Алариком вампиров подскочил с места, обнажив острые клыки:

— Да как ты смеешь, грязь уличная!..

Но Аларик медленно поднял руку, останавливая своего вассала. Его золотые глаза потемнели до цвета старого виски, а на губах появилась опасная, ледяная полуулыбка.

— Сядь, Кристиан, — тихо, но веско произнес Аларик, и его бархатный голос заставил аудиторию притихнуть. Затем он перевел взгляд на меня. — Наслаждайся своей смелостью, эльфийка. Высокомерие — частый спутник тех, кто не понимает, где находится. Но Академия Четырех Граней быстро учит смирению. Особенно таких… диких птиц, как ты.

— Меня учить — только портить, клыкастый, — отмахнулась я, развернулась спиной и двинулась дальше вверх по ступеням.

Я устроилась на самом последнем ряду. Бьорн, заметивший меня, тут же пересел с нижнего яруса ко мне, заняв собой добрую половину лавки.

— Ну ты и даешь, мелкая, — восхищенно прогудел медведь-оборотень, качая головой. — Опять Вон Штерна за усы дергаешь? Ты хоть знаешь, кто он? Его род — один из основателей Валории. Он же тебя со свету сживет.

— Пусть попробует, подавится, — буркнула я, доставая потрепанную тетрадь. — Я таких «аристократов» на столичных помойках пачками видела. Пафоса много, а как до дела доходит — только зубами щелкать умеют.

В этот момент двери аудитории распахнулись, и вошел магистр Мортимер. Это был пожилой вампир с копной абсолютно седых волос и лицом, покрытым глубокими морщинами, что для его расы было редкостью и говорило о колоссальном возрасте — ему было явно далеко за полтысячи лет. Вместо пафосной мантии на нем был поношенный и измазанный какими-то реагентами сюртук.

— Итак, смертные, бессмертные и те, кто застрял посередине, — сухо проскрипел Мортимер, опираясь на массивную трость с набалдашником в виде черепа ворона. — Рад видеть

ваши молодые и пока еще целые лица. Тема нашей первой лекции — базовые основы выживания. И первое правило, которое вы должны вбить в свои пустые головы: магия — это не игрушка для балов. Магия — это оружие.

Магистр прошелся вдоль доски, и его взгляд замер на мне.

— Леди… Иллитиэль, если не ошибаюсь? — Мортимер прищурился. — Я читал ваше личное дело. Сирота по королевской квоте. Магия Живой Крови, специализация — флоромантия. Покажите нам, чему вас научили на улицах. Оживите вот это.

Он щелкнул пальцами, и на его столе появился абсолютно сухой, серый и сморщенный корень какого-то дикого растения.

Студенты обернулись, ожидая, что я сейчас опозорюсь. Мирацель на своем ряду судорожно сжала кулачки. Аларик Вон Штерн медленно откинулся на спинку кресла, не сводя с меня золотого взгляда. Ему было жизненно необходимо увидеть мою магию в действии.

Я вздохнула, нехотя поднялась и подошла к преподавательскому столу. Я не стала петь эльфийские заклинания или делать изящные пассажи руками, как это делали благородные эльфы. Я просто протянула руку и грубо, с силой сжала сухой корень в ладони.

В ту же секунду мои длинные серебряные волосы, едва заметно зашевелились, словно поймав невидимый импульс земли. Я закрыла глаза, активируя свою официальную силу. Магия Живой Крови внутри меня была дикой, яростной. Я не просила природу, Я ей приказывала.

Через секунду из-под моих пальцев вырвался ядовито-зеленый поток энергии. Сухой корень в моей руке судорожно дёрнулся, раздался хруст, и из него во все стороны с бешеной скоростью начали расти толстые, покрытые острыми шипами тёмно-пурпурные лозы. Они не просто ожили — они вели себя агрессивно, хищно извиваясь и пытаясь дотянуться до лица магистра. Одна из лоз с шипами рванула в сторону средних рядов, заставив нескольких эльфов испуганно вскрикнуть.

Я резко сжала кулак, и лозы замерли в воздухе, тяжело пульсируя, окутанные дымкой горького аромата.

— Дикое проявление, леди Элисса, — на удивление довольным тоном произнес Мортимер, в глазах которого блеснул некромантский огонек. — Никакой эстетики, сплошная агрессия сорняка. Но сила колоссальная. Садитесь. Пять баллов Серебряному Саду.

Я разжала руку, бросив ожившее колючее чудовище на стол, и пошла обратно. Проходя мимо Аларика, я заметила, как вампир внимательно всматривается в мои серебряные волосы. Он почувствовал, что во время вспышки магии мой разум оставался абсолютно открытым, в нем не было никаких защитных плетений или щитов. Но Аларик точно знал: утром его ментальный удар разбился обо что-то невероятно мощное.

«Ты что-то скрываешь, серебряноволосая дрянь, — подумал Аларик, и его пальцы сильнее сжали перо. — И я выверну твою душу наизнанку, но узнаю твой секрет».

Я вернулась на своё место на галёрке, поймав одобрительный смешок Бьорна. Я уселась на лавку, подперев щеку рукой, и уставилась в окно, где туман Окхейвена продолжал сгущаться. Первая лекция показала главное: моя магия работает отлично, но Аларик Вон Штерн не оставит меня в покое

Бьорн

Мирацель

Глава 3. Зеркала чужого разума(Рик)

Аларик Вон Штерн терпеть не мог хаос. За триста двенадцать лет осознанной жизни он привык к тому, что мир вокруг него подчиняется строгим, выверенным законам аристократии крови. В Полуночном Бастионе всё было идеальным: тишина, вековой покой, холодный расчёт и беспрекословное подчинение младших вампиров. Его ментальный дар — сила Абсолютного Принуждения — никогда не давал сбоев. Одно тихое слово, подкреплённое золотым блеском глаз, и вожаки оборотней поджимали хвосты, драконы прятали когти, а эльфы склоняли свои идеальные головы.

До сегодняшнего утра. До того момента, как в Общий Зал Высшей Академии Четырёх Граней не заявилось *оно*.

Рик сидел в глубоком кожаном кресле в своих личных покоях Полуночного Бастиона. В комнате царил полумрак, нарушаемый лишь редким потрескиванием свечей. Перед ним на столике стоял хрустальный бокал с густой, охлаждённой до нужной температуры кровью, но он к нему даже не притронулся. Его пальцы судорожно потирали виски, в которых до сих пор отголосками эха отзывалась утренняя ментальная мигрень.

Он закрыл глаза, снова и снова прокручивая в голове их первую стычку.

Всё шло как обычно. Он вошел в Общий Зал в сопровождении своей свиты, чувствуя привычный трепет и страх первокурсников. И вдруг посреди зала, прямо на его пути, возникло препятствие. Девчонка. Потрепанная кожаная куртка, уличные сапоги на толстой подошве, вызывающе обтянутые бедра и… волосы. Невероятная, дразнящая лавина чистого лунного серебра, спускающаяся тяжелым шелком до самых ягодиц. Рик еще издалека почувствовал, что она эльфийка, но в её осанке не было ни капли эльфийского изящества. Только хищная собранность уличного бойца.

А затем она открыла свой рот. И вместо высокопарных речей, свойственных её расе, выдала такую отборную площадную брань, от которой даже у Кристиана вытянулось лицо. *«Рафинированная бледная немочь»*. *«Вырву клыки»*.

Рика это позабавило. Ровно до того момента, пока она не подошла к нему вплотную. От нее пахло дождем, дикой мятой, порохом и… удивительно сладкой, горячей эльфийской кровью. Запах был настолько концентрированным, что у Рика под кожей мгновенно заныли клыки. Но её дерзость требовала немедленного наказания. Никто не имеет права угрожать высшему вампиру на глазах у всей Академии.

Рик активировал свой дар. Он выпустил наружу ледяную ауру давления, заставившую весь зал затаить дыхание, и направил мощный, концентрированный ментальный приказ прямо в её разум: *«На колени. Извинись»*.

Он ожидал увидеть страх. Ожидал, как её хрупкое тело сломается под весом его трехвековой воли.

Но то, что произошло дальше, повергло его в ужас. Внутри её сознания не было щитов. Рик, как опытный менталист, не почувствовал ни одной магической защиты, ни одного плетения. Его приказ беспрепятственно проник внутрь её головы… и в следующую долю секунды Рик словно на полной скорости врезался лицом в зеркальную стену.

Его собственный приказ с бешеной силой отрикошетил назад. Оглушительный хрустальный звон взорвал его сознание. Собственная магия ударила Рика по затылку с такой мощью, что его ноги на миг налились свинцом, а в глубине древнего, холодного разума трусливо пискнуло чужое, навязанное желание — *упасть перед ней на колени*.

Ему стоило колоссальных, нечеловеческих усилий удержать равновесие. Он перенес вес на одну ногу, молясь богам тьмы, чтобы никто не заметил его секундной слабости. На лбу выступил холодный пот, а девчонка… девчонка даже ничего не поняла! Она просто сладко

зевнула ему в лицо, выдала очередную язвительную тираду про «триста лет запора» и, намеренно толкнув его плечом, пошла прочь, дразняще покачивая бёдрами и своей серебряной копной волос.

— Что ты такое, черт тебя дери?.. — прошептал я в пустую комнату, сжимая кулаки так, что побелели костяшки.

На лекции магистра Мортимера я шёл с одной целью — препарировать её взглядом. я сел на средних рядах, окружённый своими вампирами, и ждал. Когда серебряноволосая бестия вошла в Большую Аудиторию в сопровождении какой-то испуганной блондинки, я заблокировал все посторонние шумы, сосредоточившись только на ней.

Мои пальцы сжимали перьевую ручку. я смотрел, как она идёт мимо его ряда — лениво, уверенно, ни капли не боясь. Я попытался коснуться её разума снова. Очень осторожно, без приказов, просто прощупать почву, заглянуть за изнанку её мыслей. И снова ничего. Пустота. Словно я пытался ухватить пальцами туман или отражение в воде.

И тут она остановилась. Повернулась к нему. И вместо того, чтобы промолчать, снова вылила на него ушат своего фирменного яда.

— Что, кровосос, опять глазки пучишь? — её голос прозвенел на всю аудиторию. — Смотри, а то зрачки выпадут, ловить замучаешься.

Кристиан рядом дёрнулся, готовый разорвать её на части, но я остановил его. Я не мог позволить девчонке увидеть, как сильно она выбила меня из колеи. Я заставил себя натянуть привычную маску ледяного, высокомерного превосходства, ответил ей дежурной угрозой про смирение, хотя внутри всё клокотало от ярости. Она развернулась, и я проводил взглядом её. Лунный свет на её волосах казался ему сейчас самым раздражающим и одновременно самым притягательным зрелищем в мире.

А затем Мортимер вызвал её к доске.

Я подался вперёд, впившись взглядом в её фигуру. Вот сейчас я увижу её истинную силу. Девчонка подошла к столу, грубо схватила сухой корень и активировала магию.

Я затаил дыхание, сканируя её ментальное поле. И то, что я увидел, запутало меня ещё сильнее. Во время вспышки магии её разум был абсолютно, кристально чист. Никаких скрытых плетений. Никаких артефактов защиты. Она была обычной уличной эльфийкой с сильной, дикой и невероятно агрессивной магией Живой Крови. Пурпурные лозы с шипами, которые она вырастила за секунду, едва не хлестнули по лицам студентов. Сила была колоссальной, но это была простая магия природы. В ней не было ничего, что могло бы отразить удар трехвекового вампира высшей крови.

«Этого не может быть, — думал я, глядя, как девчонка возвращается на галёрку к своему новому другу — огромному медведю-оборотню. — Если это не артефакт и не её осознанная магия… значит, защита срабатывает на уровне её биологии. На уровне древней крови».

Я сделал глубокий вдох, наконец-то потянувшись к бокалу. я сделал глоток, но вкус крови показался мне пресным. Все его мысли были заняты серебряноволосой бунтаркой. Она не знает, какой силой обладает. Она думает, что просто упрямая и дерзкая.

Вампир плавно поднялся со своего места в кресле и подошёл к окну, за которым шумел туманный Оккейвен. На его губах заиграла хищная, предвкушающая улыбка.

— Ну что ж, Элисса Иллитиэль, — тихо произнес я, прижимая ладонь к стеклу. — Ты хотела войны? Ты её получила. Я раскопаю всё о твоем прошлом. Я узнаю, чья кровь течет в твоих жилах. И когда твой зеркальный щит упадет… ты будешь умолять меня о пощаде. На коленях.

Глава 4. Арена и чешуйчатые проблемы.

Утро следующего дня встретило студентов Академии Четырёх Граней пронзительным холодом и тяжёлым колокольным звоном, который разносился из Огненного Пика. Туман над Окхейвеном и не думал рассеиваться, он лишь лениво переползал через высокие крепостные стены, оседая каплями росы на каменных плитах боевой Арены.

Арена представляла собой огромный круглый амфитеатр под открытым небом, окружённый магическими барьерами. Именно здесь расы мерились силой, и именно здесь сегодня должен был пройти первый урок по боевому сглаживанию.

Я стояла у деревянного ограждения, лениво пережёвывая соломинку. На учебу я все-таки нацепила выданную академическую форму, но переделала её так, что у коменданта Серебряного Сада вчера едва не случился апоплексический удар. Длинная зеленая мантия была безжалостно обрезана чуть ниже бедер и теперь больше напоминала короткий, рваный плащ. Корсет затянут поверх чёрного топа, а ворот рубашки расстегнут на три пуговицы, открывая вид на изящные ключицы и тонкий шрам на шее — память об одной из уличных потасовок. Тяжелая серебряная коса лавиной спускалась до самых ягодиц, закрепленная на конце грубым кожаным ремешком.

— О боги, Лисс… Если декан Калеб увидит, что ты сделала с формой эльфов, он сотрёт тебя в порошок, — испуганно прошептала Мирацель, судорожно поправляя свою идеально отглаженную, закрытую до самого подбородка мантию.

— Пусть попробует, — хмыкнула я, даже не повернув головы. — Этот индюк только и умеет, что хвастаться своими полётами.

Калеб Вон Аш — декан Огненного Пика и по совместительству учитель боевой магии — был чистокровным красным драконом. Огромный, под два метра ростом, с багровым оттенком кожи и короткими жёсткими волосами цвета запёкшейся крови, он вызывал трепет у большинства первокурсников. На его руках до самых локтей красовались грубые чешуйчатые пластины, а из ноздрей при каждом тяжелом выдохе вырывались тонкие струйки сизого дыма. Драконы славились своей яростью и полным отсутствием терпения.

— Тишина, стадо первотипов! — зычный, рокочущий голос Калеба заставил трибуны мгновенно умолкнуть. Дракон прошёлся вдоль строя, чеканя шаг тяжёлыми сапогами. — Вы пришли в Академию Четырёх Граней не для того, чтобы протирать штанишки на лекциях Мортимера. Мир Валории хрупок. За стенами этого города Дикие Земли кишат тварями, которым плевать, эльф вы, вампир или оборотень. Они сожрут вас и не поморщатся. Поэтому сегодня мы проверим, на что вы способны в парах.

Калеб развернул тяжёлый свиток с именами. По Арене пронёсся гул предвкушения. Драконы высокомерно переглядывались, оборотни разминали кулаки.

Я стояла расслабленно, пока не почувствовала, как по спине пробежал уже знакомый могильный холод. Я повернула голову и наткнулась на тяжёлый, буравящий взгляд золотых глаз.

Аларик Вон Штерн стоял на противоположной стороне Арены в окружении вампирского блока. Идеальная осанка, руки сложены на груди, чёрная мантия падает безупречными складками. Он не сводил с меня глаз с самого момента моего появления. После вчерашнего ментального провала Рик выглядел ещё более собранным и опасным. В его взгляде больше не было простого высокомерия — там горел холодный, расчётливый интерес исследователя, который нашёл смертельно опасную, но жутко увлекательную загадку.

Я в ответ лишь коротко и нецензурно дёрнула подбородком, беззвучно посылая его к чертям. Вампир едва заметно сузил глаза, и уголок его губ дрогнул.

— Итак! — декан хлопнул в ладоши, и звук прозвучал как выстрел. — Разбивать вас по вашим уютным блокам я не намерен. Будем ломать ваши расовые предрассудки. Пара номер один: Бьорн из Лесного Чертога и Кайден Вон Аш из Огненного Пика. Выходите в круг!

Из толпы драконов вышел высокий, невероятно смазливый блондин с золотистыми глазами — Кайден, племянник декана и один из сильнейших молодых ящеров. Он бросил на Бьорна презрительный взгляд. Медведь-оборотень лишь добродушно ухмыльнулся и покрутил шеей, которая по ширине могла соперничать со стволом векового дуба.

— Задание простое, — скомандовал декан. — Коснуться плеча противника магией или оружием. Начали!

Кайден не стал ждать. Его руки мгновенно покрылись золотистым пламенем, и он с яростным рёвом бросился на оборотня, выпуская струю чистого огня. Бьорн среагировал мгновенно: его тело на секунду окутало призрачное очертание огромного медведя, увеличивая его силу втрое. Он принял удар пламени на скрещенные руки, прорываясь сквозь огонь, и с глухим рыком впечатал свой массивный кулак прямо в защитный барьер, который Кайден судорожно успел выставить перед собой. Сила удара была такой, что золотого дракона протащило по брусчатке на несколько метров.

— Достаточно! — крикнул декан, удовлетворенно кивнув. — Хорошая реакция, Бьорн. Кайден, меньше пафоса, больше защиты.

Кайден поднялся, злобно сплюнув под ноги и потирая ушибленное плечо. Проходя мимо эльфийского блока, он намеренно остановился возле меня, окинув мою фигуру масляным, оценивающим взглядом.

— А у эльфов в этом году сочные сиротки, — негромко, так, чтобы слышали только соседние ряды, процедил дракон, приблизив своё лицо к её уху. — Слышал, ты уличная девка? Любишь погорячее? Может, вечерком покажешь, на что способны твои серебряные патлы в постели у настоящего дракона?

Мирацель рядом побелела от ужаса. Вампиры на другом конце Арены притихли — Аларик медленно опустил руки, а его пальцы инстинктивно сжались в кулаки. Запах ярости от Кайдена и дразнящий аромат дикой мяты от меня смешались в воздухе.

Я даже не поморщилась. Я медленно повернула голову к золотому дракону, убрала зубочистку изо рта и ослепительно улыбнулась. А в следующую секунду моё правое колено с бешеной, уличной скоростью и силой влетело точно между ног Кайдена.

Раздался глухой, сочный звук.

Глаза золотого дракона округлились, став размером с королевские монеты. Лицо моментально приобрело нежно-зелёный оттенок. Он издал тонкий, совершенно не драконий писк и медленно, как подкошенный столетний дуб, осел на колени, хватаясь руками за пострадавшее достоинство.

— Мои «патлы», ящерка, способны задушить тебя прямо сейчас, — ласково прошептала я, наклоняясь к его бледному лицу. — А если ты ещё раз откроешь свою чешуйчатую пасть в мою сторону, я выращу внутри твоих штанов ядовитый плющ. И поверь, чесаться ты будешь до конца своих дней.

— Иллитиэль! — взревел декан Калеб, подлетая к нам. Его ноздри так и полыхали огнём. — Какого хрена ты творишь на моей Арене?! Это не уличная драка!

— Это превентивная самооборона, магистр, — нагло ответила я, даже не подумав извиниться. — Ваш племянничек перепутал боевую арену со столичным борделем. Я лишь вернула его в реальность.

Декан тяжело задышал, готовый испепелить меня на месте, но правила Академии Четырёх Граней строго запрещали учителям калечить студентов без дуэльного вызова. Дракон судорожно сжал свиток в руке, и на его лице появилась жестокая, мстительная ухмылка.

— Ах, самооборона? — пророкотал декан. — Что ж. Раз ты у нас такая смелая и дикая, проверим тебя в настоящем деле. Раз уж ты так ценишь свою уличную закалку… Пара номер пять! Элисса Иллитиэль и… Аларик Вон Штерн! В круг. Живо!

По Арене пронесся шквал шепотков. Бьорн, возвращавшийся на трибуны, испуганно посмотрел на меня.

— Мелкая, будь осторожна, — тихо буркнул он. — Рик тебе этого не простит. Он высший вампир, он двигается быстрее, чем ты успеешь подумать.

— Пусть попробует, — процедила я, поправляя рваный край мантии.

Я уверенно шагнула на песчаный круг Арены. С противоположной стороны, плавно и бесшумно, словно соткавшись из ночного тумана, вышел Аларик. Черный плащ струился за его спиной. Его золотые глаза горели ярче прежнего, отражая дневной свет. В них не было злости Кайдена. Там было чистое, концентрированное предвкушение.

Мы остановились друг против друга в центре круга. Между нами было всего три метра. Воздух между нами буквально вибрировал от напряжения.

— Ну что, Кровосос, — Я хищно улыбнулась, перебрасывая серебряную косу за спину, чтобы та не мешала движениям. Волосы тяжело качнулись по моим бёдрам, привлекая мимолетный взгляд вампира. — Готов ко второму раунду? Смотри, штанишки не испачкай.

— Твой язык, эльфийка, когда-нибудь станет причиной твоей смерти, — тихо, бархатно ответил Аларик. На его губах играла ледяная, предвкушающая улыбка. — Но сегодня я буду аккуратен. Мне слишком интересно узнать, что прячется за твоей маской дешевого цинизма.

— Начали! — рявкнул декан Калеб, давая старт поединку.

Рик исчез. Для обычного человеческого глаза он просто растворился в воздухе, оставив после себя лишь смазанный черный силуэт. Но я, выросшая на подпольных аренах, ориентировалась не на зрение. Я доверяла инстинктам и движению воздуха.

Почувствовав резкое колебание слева, я резко упала на одно колено, пропуская над головой бледную руку вампира, пальцы которой были согнуты, как когти. В ту же секунду я активировала свою Магию Живой Крови. Я с силой ударила ладонью по земле Арены.

— Расти! — рявкнула я.

Прямо из-под каменных плит, взламывая брусчатку, во все стороны вырвались толстые, шипастые лозы дикого плюща. Они хищными змеями рванули к ногам Аларика, пытаясь опутать его щиколотки и разорвать одежду острыми как бритва шипами.

Но Рик был невероятно быстр. Он совершил головокружительный кульбит назад, уходя от атакующих растений, взлетел в воздух и, оттолкнувшись от магического барьера Арены, камнем ринулся обратно на Лисс.

Я успела выставить перед собой скрещенные руки, создавая плотный щит из переплетенных стеблей. Аларик врезался в этот живой барьер. Раздался треск ломающихся веток. Сила удара трехвекового вампира была колоссальной — я отлетела назад на несколько метров, мои сапоги оставили глубокие борозды на песке, а серебряные волосы растрепались, тяжелой лавиной рассыпавшись по плечам и спине.

Не дав мне прийти в себя, Рик снова оказался рядом. Он перехватил моё запястья одной рукой, блокируя мою магию земли, и с силой прижал меня к каменному ограждению Арены.

Я оказалась зажата между его твердым, как гранит, телом и холодной стеной. Его бледное, дьявольски красивое лицо находилось в паре сантиметров от моего лица. Я чувствовала его ледяное дыхание, пахнущее сандалом и зимой, и видела, как его золотые глаза начали опасно темнеть, наливаясь багровым голодом. Наши тела были прижаты друг к другу так плотно, что я отчетливо ощущала рельеф его мышц сквозь тонкую ткань рубашки.

— Попалась, дикарка, — выдохнул Рик прямо в мои губы. Из-под его верхней губы медленно показались острые, хищные клыки.

Но вместо страха в моих глазах вспыхнул чистый, яростный огонь.

— Хрен тебе за воротник, бледный! — прорычала я.

Поскольку руки были заблокированы, я резко подалась вперед и со всей дури боднула его лбом прямо в переносицу.

Раздался хруст. Аларик явно не ожидал от меня такого абсолютно неблагородного, кабацкого приема. Он глухо зарычал от неожиданности и боли, его хватка на моих запястьях на миг ослабла. Этого мига мне хватило. Я резко вырвала правую руку, схватила его за ворот мантии и, крутанувшись на пятках, попыталась перебросить трехвекового вампира через бедро.

Мы покатились по песку Арены, сплетясь в яростный клубок. Мантия Рика распахнулась, моя рваная зеленая мантия задралась, обнажая стройные бедра. Мои длинные серебряные волосы обмотались вокруг его шеи и плеч, словно шелковые путы, связывая наши тела еще крепче. Рик перехватил инициативу, подмяв меня под себя, его ладонь легла мне на горло, фиксируя на песке, а вторая рука намертво вцепилась в мои серебряные волосы, наматывая тяжелые пряди на кулак, чтобы удержать мою строптивую голову.

Мы тяжело, рвано дышали, глядя друг другу в глаза. Я яростно скалилась, моя грудь высоко вздымалась, касаясь его груди. Рик смотрел на меня сверху вниз, его пальцы были запутаны в моих невероятных серебряных волосах, и в этот момент в его голове не было мыслей о магии или расследованиях. Только первобытная, дикая страсть и упрямое желание подчинить эту девчонку — или подчиниться мне самому.

Между нами летели настоящие искры, и вся арена замерла, понимая, что этот бой на Арене давно перерос рамки обычного учебного задания.

Глава 5. Пыльные папки.

Калеб вон Аш не сводил с нас тяжелого, дымного взгляда. Вокруг катающегося по песку клубка из серебряных волос и черного шелка вампирской мантии росла стена из ядовитых колючих лоз. Огненный дракон уже поднял руку, чтобы швырнуть между нами сигнальный фаер и прекратить это безумие, но замер. Настоящий боец внутри него требовал увидеть, чем закончится эта кабацкая потасовка высшего вампира и уличной девки.

На песке Арены Аларик держал меня крепко. Его пальцы, намертво намотавшие шелковистые серебряные волосы на кулак, ощущали странное, пугающее тепло, исходящее от моих волос. Рик чувствовал, как бешено колотится моё сердце под его ладонью, замершей на изящном горле. Ему стоило огромных усилий не вонзить клыки прямо сейчас в пульсирующую жилку на моей шее. Запах дикой мяты и горячей эльфийской крови туманил его трехвековой разум.

— Сдавайся, дикарка, — прорычал он мне в самые губы, тяжело дыша. На его переносице, куда я приложилась лбом, уже наливался багровый синяк. — Ты проиграла. Твои сорняки тебя не спасут.

— Мечтай, зубастый, — прохрипела я. Из уголка моих губ текла тонкая струйка крови — во время падения я знатно прикусила язык.

Я не собиралась сдаваться. Мой скрытый Зеркальный Щит молчал, потому что Рик больше не пытался лезть мне в голову магией. Он ломал меня физически.

Я резко дернула бедрами, используя обмотавшиеся вокруг его шеи серебряные пряди как рычаг. Рик инстинктивно подался вперед, чтобы не выпустить меня, и в этот момент я освободила левую руку. Я не стала бить. Я просто с силой вонзила свои острые ногти прямо в его бледную щеку, оставляя четыре глубоких, сочащихся темной вампирской кровью пореза.

Аларик глухо рыкнул от неожиданности, его хватка на горле ослабла. Я мгновенно перехватила инициативу. Она уперлась ногами в его грудь и с силой оттолкнула вампира от себя. Рик отлетел назад, изящно перекатился через плечо и вскочил на ноги, тяжело дыша. По его безупречной бледной щеке медленно стекали капли крови, окрашивая воротник рубашки.

Я поднялась следом. Моя зеленая мантия была измазана в пыли и песке, платиновое серебро волос растрепалось дикой гривой, а глаза горели яростным, торжествующим огнем.

— Достаточно! — зычный голос декана Калеба громом раскатился над Ареной. Дракон вышел в центр круга, между замершими противниками. — Обоюдное касание. Вон Штерн пролил её кровь, когда прижал к стене, Иллитиэль разукрасила его лицо. Ничья. Оба свободны. И приведите себя в божеский вид, на вас смотреть тошно!

Трибуны взорвались шокированным шепотом. Высший вампир, староста Полуночного Бастиона, не смог всухую одолеть первокурсницу с улицы.

Аларик медленно поднял пальцы к лицу, коснулся порезов на щеке и посмотрел на темные следы на коже. Затем его золотые глаза, потемневшие от едва сдерживаемой страсти и злости, скрестились с моим грозовым взглядом .

— Мы не закончили, Элисса, — тихо, так, чтобы слышал только его эльфийский кошмар, произнес Рик.

— Я буду ждать, Кровосос. Купи только пластырь, — огрызнулась я, утирая кровь с подбородка тыльной стороной ладони.

Я развернулась и пошла к трибунам, где меня уже ждал ошарашенный Бьорн, готовый подставить свое широкое плечо.

(Рик)

Вечер опустился на Окхейвен душным, липким саваном. Туман просочился сквозь вентиляционные решетки Полуночного Бастиона, заставляя факелы в подземных коридорах гореть тускло и неровно.

Аларик Вон Штерн сидел в своей комнате. На его щеке уже не было и следа от порезов — вампирская регенерация стерла повреждения за пару часов, но фантомная боль, казалось, всё еще зудела под кожей. Перед ним на дубовом столе лежала тонкая, пожелтевшая от времени папка. Это было официальное личное дело Элиссы Иллитиэль, предоставленное канцелярией Академии Четырех Граней.

Рик перелистывал сухие страницы, и его губы кривились в презрительной усмешке.

— «Место рождения: неизвестно. Родители: погибли во время пожара в Южных провинциях. Найдена на улицах столицы Валории в возрасте семи лет. Магический потенциал: средний, флоромантия». Средний? — Рик швырнул папку на стол, и листы веером разлетелись по сукну. — Канцелярские крысы. Вы даже не поняли, кого притащили в это заведение.

Он поднялся, подошел к книжному шкафу и нажал на скрытый рычаг в виде каменной горгульи. Задняя стенка шкафа с тихим щелчком отъехала в сторону, открывая глубокую нишу. Там, запертый на магический замок крови, хранился его личный архив. Рик достал оттуда массивный, обтянутый темной кожей гроссбух — летопись древних эльфийских родов Валории, которую его семья собирала веками.

Вампир вернулся за стол, зажег дополнительную магическую лампу и углубился в чтение. Его длинные аристократические пальцы бережно переворачивали хрупкие страницы, покрытые вязью старинного эльфийского алфавита.

Прошло около двух часов, прежде чем он наткнулся на то, что искал. В разделе, посвященном уничтоженным и стертым из хроник династиям, его взгляд зацепился за герб: переплетенные серебряные лозы, обвивающие треснувшее зеркало.

— Род Иллитиэль, — прочитал Рик вслух, и его голос эхом отразился от каменных стен. — Истинные Хранители Серебряного Сада. Обладали уникальной мутацией крови, известной как «Зеркало Души». Абсолютный иммунитет к любому ментальному и магическому воздействию, способный отражать силу нападающего обратно. Род признан изменниками короны и полностью уничтожен шестнадцать лет назад. Выживших нет.

Рик откинулся на спинку кресла, и его золотые глаза хищно сузились. Шестнадцать лет назад. Лисс тогда было как раз семь лет. Пазл в его голове со свистом встал на место.

Она не просто уличная сиротка. Она — последняя из древнего, уничтоженного рода Иллитиэль. Единственная выжившая наследница запретной магии, которая способна превратить любого менталиста в послушную куклу, если научится ею управлять. И самое интересное — она действительно ничего об этом не знает. Её стертая память или блок, поставленный родителями перед смертью, скрывают от нее её истинную природу. Она приехала в Академию Четырех Граней, думая, что ищет простых убийц своей семьи. Она не понимает, что её появление здесь — это смертный приговор для нее самой, если совет старейшин Валории узнает, кто она такая.

Рик медленно закрыл книгу. На его губах играла опасная, но странно нежная улыбка. Серебряноволосая бестия, которая сегодня так яростно царапала его лицо на Арене, оказалась самой ценной и самой опасной фигурой на этой шахматной доске.

— Ты пришла сюда за местью, Лисс, — тихо прошептал Рик, глядя на темное окно, за которым высились белые купола Серебряного Сада. — Но ты понятия не имеешь, в какое осиное гнездо ты залезла. Теперь я не просто хочу подчинить тебя. Я должен защитить тебя от твоей собственной крови. И от тех, кто придет за твоей головой, как только ты найдешь свои архивы.

Вампир поднял бокал с кровью, который так и стоял нетронутым с прошлого вечера, и сделал долгий, глубокий глоток. Вкус больше не казался ему пресным. В его жилах закипал

азарт настоящей, смертельной охоты. Охоты, в которой он собирался стать для своей дикой эльфийки и главным врагом, и единственным спасением.

Глава 6. Осколки прошлого.

Вернувшись в комнату после Арены, я с наслаждением заперла дверь на тяжелый засов. Сил не оставалось ни на язвительные шутки, ни на злость. Всё тело ломило после встречи с гранитной твердостью вампирского тела.

Я со стоном стянула исполосованную рваную мантию и швырнула её в угол. Остаток дня я провела, отмывая песок с кожи и распутывая свою бесконечную серебряную лавину волос. К вечеру в комнату робко постучали — Мирацель вернулась с ужина, а следом за ней, едва не выломав косяк, в проем протиснулся Бьорн. Огромный медведь притащил с собой целый сверток с ворованными из столовой пирогами с мясом и глиняную бутыль сомнительного эля.

— Ну ты и устроила сегодня шоу, мелкая, — прогудел Бьорн, усаживаясь прямо на пол у моей кровати, так как ни один стул в Серебряном Саде его вес бы не выдержал. — Весь Лесной Чертог только о тебе и говорит. Порезать лицо Вон Штерну? Да ты бессмертная!

— Бессмертный у нас он, а я просто живучая, — буркнула я.

Я сидела на кровати, скрестив ноги. На мне был только просторный черный топ на лямках и свободные холщовые штаны. Тяжелые серебряные волосы, рассыпанные по спине до самых ягодиц, казались в полумраке комнаты жидким лунным светом. Я осторожно прикоснулась пальцами к шее, где до сих пор алел след от хватки Аларика. Кожа там до сих пор слегка горела, словно вампир оставил на мне невидимое клеймо.

Мирацель тем временем суетилась вокруг меня, расставляя на тумбочке баночки с ароматными мазями.

— Лисс, тебе нужно обработать ключицу, там синяк на пол-плеча, — тихо пропищала блондинка, протягивая флакончик. — Магистр Калеб был в ярости. А Кайден… Кайден до сих пор сидит в лазарете под присмотром лекарей. Ты ему, кажется, что-то важное отбила.

— Туда ящеру и дорога, — огрызнулась я, забирая у Мирацель мазь. Запах уличной мяты от целебного снадобья немного успокаивал. — Будет знать, как распускать свои чешуйчатые слюни. Но Вон Штерн… этот бледный гад чертовски быстр. Если бы не стена Арены, он бы меня пополам перекусил.

— Он высший вампир, Лисс, — Бьорн посерьезнел, беря в руки пирог и отправляя его в рот целиком. — Их кровь древнее, чем сама Валория. Они не просто пьют кровь, они видят чужую силу. Но знаешь, что странно? Мой внутренний зверь сегодня выл от страха, когда Рик выпустил свою ауру. Все драконы притихли, а ты… ты даже не поморщилась. Как ты это делаешь?

Я замерла, размазывая прохладный крем по разбитой губе. Из головы не выходил утренний шок Аларика. Я ведь видела, как он покачнулся. Как на его идеальном мраморном лбу выступил пот.

— Не знаю, медведь, — честно ответила я, и мои грозовые глаза потемнели, став похожими на предгрозовое небо. — На улицах столицы меня пытались прирезать, пытались отравить, но ни один маг не мог подчинить меня своей воле. Я думала, это от упрямства. Мой дед говорил, что у нашего рода тяжелый характер.

— Твоего рода? — Мирацель аккуратно присела на край своей кровати, кутаясь в пушистую шаль. — Лисс, ты никогда не рассказывала, откуда ты. В документах Академии написано только про сиротскую квоту.

Я горько ухмыльнулась. Я потянулась к тумбочке, достала свою старую кожаную куртку и выуживала из потайного кармана осколок обгоревшего зеркала в серебряной оправе. Единственная вещь, которая осталась у меня от прошлой жизни.

— Род Иллитиэль, — тихо произнесла я, крутя осколок в пальцах. — Слышали о таком? Хотя откуда вам… Нас стерли из всех хроник Валории.

Бьорн нахмурился, силясь что-то вспомнить, а Мирацель испуганно прикрыла рот ладошкой.

— Иллитиэль?.. — прошептала блондинка. — Я… я слышала это имя от отца. Он говорил, что когда-то в Серебряном Саду это была великая династия. Но их обвинили в предательстве короны. Почти двадцать лет назад.

— Шестнадцать, — резко оборвала её я, и в её голосе зазвенели стальные нотки. — Мне было семь. Я до сих пор помню запах горящего дерева и крики. Наш замок вспыхнул посреди ночи, как сухой хворост. Моя мать… она кричала мне бежать. Она вытолкнула меня в подземный ход под оранжереей и заклинила дверь заклинанием Живой Крови. Я видела сквозь щель, как белые мраморные полы заливала кровь моих братьев и сестер. Напали не монстры. Напали свои же. Эльфы в королевских плащах и кто-то еще, скрытый под черными масками.

В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина. Бьорн сжал кулаки так, что захрустели суставы, а из его груди вырвалось глухое, сочувственное рычание.

— Я выжила на помойках, — продолжила я, убирая осколок обратно. Моё лицо превратилось в ледяную маску цинизма. — Воровала, дралась на аренах за медяки, забивала зубы ногами ублюдкам, которые пытались меня полапать. И всё это время я ждала. Королевская квота — это мой единственный шанс пробраться в Высший Архив этой чертовой Академии. Окхейвен — закрытый город, и именно здесь хранятся оригиналы тайных судов Валории за последние сто лет.

— Так ты приехала сюда за местью? — Бьорн перестал жевать.

— Я приехала за именами, — я хищно оскалилась, и мои длинные серебряные волосы качнулись, словно живые. — Я найду тех, кто отдал приказ сжечь мой дом. И поверь, медведь, когда я их найду, их не спасет ни магия, ни титулы. Я выращу сорняки прямо в их легких.

— Но Высший Архив охраняется заклинаниями Полуночного Бастиона и Огненного Пика, — покачала головой Мирацель, её голос дрожал от волнения за подругу. — Туда не пускают студентов. А староста вампиров… Аларик патрулирует эти коридоры каждую ночь. Если он поймает тебя, тебя не просто отчислят. Тебя сдадут королевской страже.

— Значит, мне придется быть умнее и быстрее этого клыкастого индюка, — я спрыгнула с кровати и подошла к окну.

За стеклом клубился густой туман Окхейвена, поглощая очертания замковых башен. Я смотрела в сторону мрачных шпилей Полуночного Бастиона. Я еще не знала, что прямо в этот момент в одном из этих шпилей Аларик Вон Штерн уже держит в руках летопись её рода. Она не знала, что её тайна раскрыта.

Глава 7. Шаги в чёрном бархате.

Ночь опустилась на Академию Четырех Граней, как тяжелая, пропитанная ядом вуаль. Туман Окхейвена, казалось, обрел собственную волю — он лениво вползал в узкие бойницы замка, облизывал холодные каменные плиты и гасил редкие магические фонари. В Серебряном Саду давно стихли шорохи. Мирацель мирно посапывала на своей кровати, укутавшись в одеяло до самого носа, а её сны наверняка были полны идеальных грядок с целебными травами и правильных лекций.

Я не спала.

Я сидела на подоконнике, подтянув колени к подбородку, и меланхолично наблюдала, как лунный свет окрашивает мои бесконечные серебряные волосы в цвет холодного оружия. Волосы тяжелой, густой волной спускались с моих плеч, скользили по бедрам и шлейфом лежали на подоконнике. Это платиновое сокровище сейчас было моей главной проблемой — в темноте оно сияло, как начищенная монета.

— Черт бы побрал эту эльфийскую генетику, — тихо, сквозь зубы процедила я.

Я спрыгнула на пол. Движения уличной воровки были бесшумными, выверенными годами выживания в столичных трущобах. Вместо утренней формы на ней теперь были облегающие черные кожаные штаны, мягкие сапоги на плоской подошве без каблуков и плотный черный корсаж поверх темной рубашки с длинными рукавами. Я тщательно перевязала свою серебряную косу кожаным шнуром в пяти местах, превратив её в плотный, тяжелый жгут, и спрятала её под глубокий капюшон просторного черного плаща.

На пояс легли верные уличные друзья — два узких, как иглы, кинжала с притемненными лезвиями, чтобы не давать бликов. Магия Живой Крови сладко потянулась внутри моих жил, отзываясь на близость земли, но я подавила её. Никаких магических всплесков. Заклинания слежки в Академии Четырех Граней настроены на улавливание активных чар.

Я осторожно отодвинула тяжелый засов двери. Мирацель даже не пошевелилась. Я выскользнула в коридор Серебряного Сада, растворяясь в извилистых тенях белокаменных арок.

Путь к Центральному Архиву лежал через стык двух блоков — Серебряного Сада и Полуночного Бастиона. Сама подземная библиотека находилась на нейтральной территории, глубоко под Общим Залом, но охранялась чарами вампиров. Стража из младшекурсников обычно обходила коридоры раз в час, а вот с кем действительно не хотелось встречаться, так это с Алариком. Мысль о Кровососе заставила меня заскрежетать зубами. Его бледное, дьявольски красивое лицо и золотые глаза, темнеющие от ярости, до сих пор стояли перед моим мысленным взором. Синяк на моей ключице от его утренней хватки еще поднывал, напоминая, что этот аристократ чертовски опасен.

Я скользила по переходам, словно призрачная кошка. Я миновала галерею предков, где со стен надменно взирали портреты великих магов, и спустилась по винтовой лестнице в нижние ярусы. Воздух здесь стремительно менялся. Вместо жасминового тепла эльфийского крыла в лицо дохнуло сыростью, старым пергаментом и леденящим холодом подземных склепов.

Передо мной выросли массивные ворота Архива. Две створки из черного мореного дуба были сплошь покрыты светящимися багровыми рунами. Магия крови. Запретный замок вампиров.

Я притаилась за широкой гранитной колонной, выжидая. Моё сердце мелко и часто стучало в груди, но разум оставался холодным. Я знала, что обычная отмычка здесь не поможет. Нужна была кровь. Но не любая, а того, кто имеет доступ к архивам. И я приготовила небольшой сюрприз.

Я полезла в карман и достала маленький стеклянный флакон, внутри которого на самом донышке алели несколько капель подсохшей темной жидкости. Я хищно ухмыльнулась, вспомнив утренний бой. Когда я вонзила свои ногти в бледную щеку Аларика, я сделала это не только от злости. Часть его крови осталась под моими ногтями, и я аккуратно соскребла её во флакон, пока мылась в лаватории. Опыт выживания научил меня: кровь высшего вампира — это лучший универсальный ключ в Валории.

Я подошла к воротам. Откупорила флакон, капнула каплю крови Рика на центральную руну и затаила дыхание.

Багровые символы на дереве на секунду вспыхнули ярче, словно признавая хозяина, а затем глухо зашипели и начали гаснуть один за другим. Послышался тяжелый щелчок внутреннего механизма. Двери Архива медленно, со стоном приоткрылись, оставляя узкую щель, достаточную для того, чтобы протиснуться внутрь.

— Работает, зубастый, — шепнула я, проскальзывая в темноту Архива. — Спасибо за гостеприимство.

Я затворила за собой дверь, и мир вокруг окончательно погрузился во тьму.

Архив Академии Четырех Граней был циклопическим. Огромные стеллажи уходили вверх на десятки метров, исчезая в непроглядном мраке потолка. Здесь хранились миллионы свитков, папок, запрещенных книг и летописей. Воздух был настолько густым от вековой пыли, что мне пришлось прикрыть рот ладонью в митенке, чтобы не раскашляться.

Я достала из-за пазухи редкий артефакт — «светляк», воровской камушек, который давал очень узкий, направленный луч тусклого зеленоватого света, неразличимый издалека.

Я двинулась вглубь лабиринта из книжных шкафов. Мне нужен был сектор Южных провинций, хроники шестнадцатилетней давности. Я шла мимо полок, на которых покоились папки с надписями: «Огненный шторм на границе драконов», «Восстание Лунных стай». Наконец, в самом дальнем и запыленном углу, её луч света выхватил табличку: «Секретные суды Короны. Период Великого Разлома».

Мои пальцы дрогнули. Я потянулась к верхней полке, выискивая папку с гербом в виде переплетенных лоз. Сердце готово было выпрыгнуть из ребер. Вот оно. Разгадка всей моей жизни была на расстоянии вытянутой руки.

Я ухватилась за край толстой кожаной папки, покрытой слоем серой пыли, и потянула её на себя.

И в эту же секунду тусклый зеленый свет моего воровского камня перекрыла огромная, плотная черная тень, соткавшаяся прямо у меня за спиной.

Воздух вокруг мгновенно превратился в жидкий азот. Запах дорогого сандала, горького шоколада и морозной ночи окутал меня, парализуя движения лучше любых оков.

— Не хорошо воровать чужие секреты в темноте, Элисса, — раздался прямо над моим ухом низкий, бархатный, издевательски спокойный голос.

Я замерла, мои пальцы так и остались лежать на папке. Из-под глубокого капюшона плаща я медленно повернула голову.

Аларик Вон Штерн стоял вплотную ко мне. Его черная мантия плавно опускалась на пол, а золотые глаза в полумраке Архива горели багровыми, голодными огнями. На его бледной щеке, куда я утром вонзила ногти, не осталось и следа, но его взгляд обещал мне долгую и очень мучительную расплату. Он зажал меня между своим телом и книжным стеллажом, лишая любого пространства для маневра.

— А уж использовать мою собственную кровь, чтобы взломать замок Полуночного Бастиона… — Рик наклонился еще ближе, так что его холодное дыхание коснулось моей шеи, заставив серебряные волоски под капюшоном встать дыбом. — Это было чертовски изящно для уличной девки. Но крайне глупо.

Я судорожно сглотнула, но мой язвительный характер мгновенно взял верх над страхом. Я хищно оскалилась в темноте:

— Привет, Кровосос. А я думала, ты ночью в гробу спишь, как и положено приличным мертвецам. Что, бессонница замучила? Синяк на лбу спать не дает?

Аларик лишь тихо, опасно рассмеялся, и этот звук заставил кровь в моих жилах застыть.

Глава 8. Танго на лезвии ножа.

Холод, исходящий от Аларика, просачивался сквозь плотную ткань моего плаща, но внутри у меня всё полыхало. Я оказалась намертво прижата к тяжелому дубовому стеллажу. Огромные полки, пахнущие вековой пылью и старой кожей, возвышались над нами, словно стены ловушки.

Рик стоял так близко, что Лисс видела каждую ворсинку на его черном бархатном камзоле. Его золотые глаза в темноте Архива сузились, превратившись в две щелочки багрового пламени. Из-под верхней губы дразняще показались кончики острых клыков.

— В гробу, говоришь? — Рик чуть наклонил голову, и его голос опустился до едва различимого, порочного шепота. — В гробу слишком скучно, эльфийка. Особенно когда по моим коридорам шныряет воровка с серебряным хвостом и моей кровью в кармане.

Его бледная, идеально ухоженная ладонь медленно поднялась и легла на стеллаж прямо у моей головы, перекрывая последний путь к отступлению слева. От него пахло зимой, дорогим табаком и сандалом. Этот запах одурманивал, пробирался под кожу, заставляя мои инстинкты кричать об опасности. Но уличная закалка требовала одного — бить первой. Или хотя бы плеваться ядом.

— Ты ущемляешь мое личное пространство, Кровосос, — я вызывающе вскинула подбородок, глядя на него снизу вверх. — И вообще, от тебя несет мертвечиной. Отойди на три шага, а то у меня сейчас начнется аллергия на высокомерных кровососов.

Аларик не шелохнулся. Вместо этого его вторая рука медленно потянулась к моему лицу. Я дернулась, готовая укусить его за пальцы, но вампир лишь аккуратно зацепил край моего глубокого капюшона и потянул назад.

Черная ткань соскользнула, и мои тяжелве серебряные волосы лавиной вывалилась наружу, рассыпавшись лунными искрами по моим плечам и груди. Рик замер, завороженно глядя на эту серебряную лавину. Его длинные пальцы скользнули по шелковистым прядям у моего плеча, слегка намотав их на руку — точно так же, как утром на Арене. Но теперь в этом жесте не было боевой ярости. Только чистая, тягучая, как патока, чувственность.

— Какая жалость, — протянул Рик, пропуская серебряный шелк сквозь пальцы. — Такая редкая, царственная красота… и в сочетании с повадками портовой девки. Твоя мать эльфийка не учила тебя хорошим манерам, Элисса?

При упоминании матери меня словно током ударило. Вся игривость и яд мгновенно испарились, уступив место глухой, бешеной ярости. Мои грозовые глаза стали стальными. Рука молниеносно скользнула к поясу, выхватывая узкий уличный кинжал. Я с силой ткнула лезвием вперед, упираясь острием прямо в обтянутую черным шелком грудь Аларика, как раз напротив его небиющегося сердца.

— Не смей. Трогать. Мою. Мать, — процедила я сквозь зубы, и в моём голосе больше не было шуток. Только ледяная сталь уличного убийцы. — Мне плевать, кто ты такой. Высший, низший, хоть сам черт. Если ты сейчас же не уберешь свои бледные грабли от моих волос, я проверю, насколько быстро твоё хваленое бессмертие справится с застрявшим в сердце куском столичного железа.

Аларик даже не взглянул на кинжал, упирающийся в его грудь. На его губах медленно расцвела хищная, дьявольски привлекательная ухмылка. Он сделал едва заметное движение вперед, намеренно заставляя остриё кинжала проколоть шелк рубашки и упереться в его твердую, как мрамор, кожу. На черной ткани выступила крошечная темная капля.

— А ты горячая, когда злишься, — приглушенно пророкотал он, и его взгляд опустился к моим приоткрытым, тяжело дышащим губам. — Но ты не убьешь меня, Лисс. Не потому,

что не сможешь. А потому, что я — единственный в этой Академии, кто знает, *что* ты ищешь в этой пыльной папке.

Я замерла. Рука с кинжалом едва заметно дрогнула.

— О чем ты шепчешь, клыкастый? — мой голос стал тише, но не потерял бдительности.

Рик наклонился еще ближе. Его губы почти коснулись кончика моего заостренного ушного хряща, который тут же инстинктивно дернулся. Его дыхание опалило кожу холодом, отчего по моему телу пробежала волна мурашек.

— Род Иллитиэль, — тихо, веско произнес Аларик, и это имя прозвучало в тишине Архива как удар похоронного колокола. — Истинные Хранители Серебряного Сада. Уничтожены шестнадцать лет назад по приказу из столицы Валории за государственную измену. Выживших нет. Так ведь написано в официальных хрониках, Элисса?

Я почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног. Кинжал в моей руке опустился. Я во все глаза смотрела на вампира, чувствуя, как внутри всё сжимается от дикого, первобытного страха. Он знал. Этот вековой ублюдок раскопал всё моё прошлое всего за один день.

— Откуда… — выдохнула я, и в моём грозовом взгляде впервые промелькнула уязвимость.

Рик воспользовался моей секундной слабостью. Он плавно перехватил моё запястье, заставляя выпустить нож, который с тихим стуком упал на песок, нанесенный с Арены на сапогах. Но вампир не отпустил меня. Он скользнул ладонью выше, обнимая меня за талию и плотно прижимая к своему телу. Я почувствовала, насколько он силен — его рука держала меня, как стальной обруч, а корсет жалобно скрипнул под его натиском. Серебряные волосы лавиной обвили их плечи, связывая вместе в темноте.

— Я умею читать не только чужие мысли, дикарка, но и старые книги, — Рик смотрел на меня сверху вниз, и его багровый взгляд теперь горел не голодом крови, а чем-то куда более опасным. Страстью, которую он не мог контролировать. — Ты пришла сюда за местью. Но ты дура, Лисс. Окхейвен — это ловушка. Если старейшины узнают, кто ты, тебя сотрут в порошок быстрее, чем ты успеешь вырастить свой ядовитый плющ. Твоя эльфийская кровь… она слишком ценная. И слишком опасная.

Я, несмотря на шок, обрела способность говорить. Я уперлась ладонями в его широкую грудь, пытаясь отодвинуться, но близость его тела, тепло моей собственной кожи, контрастирующее с его прохладой, и этот гипнотический золотисто-багровый взгляд заставляли моё сердце стучать как сумасшедшее. Внизу живота сладко потянуло от этого запретного напряжения.

— Отпусти меня, Кровосос, — прошипела я, пытаясь вернуть свою привычную маску цинизма. — Ты слишком много болтаешь для покойника. Мне плевать на твои предупреждения. Я найду тех, кто сжег мой дом. И если мне придется перешагнуть через твой труп — я перешагну.

— Попробуй, — вызвался Рик, и его левая рука медленно поднялась к моему лицу.

Его большой палец нежно, почти невесомо очертил контур моей нижней, слегка припухшей после Арены губы. Я вздрогнула от этого прикосновения. Это было слишком интимно. Слишком горячо для двух существ, которые должны были ненавидеть друг друга.

— Но пока ты здесь, — Рик опустил взгляд на мои губы, и его голос стал совсем хриплым, — ты под моим присмотром. Я не позволю тебе сдохнуть раньше, чем сам разгадаю все твои тайны. Поняла меня, строптивая эльфийка?

Я хищно улыбнулась, хотя моё дыхание давно сбилось. Я резко подалась вперед, сокращая те несчастные миллиметры, что оставались между нашими лицами, так что наши губы почти соприкоснулись. Рик инстинктивно потянулся навстречу, готовый сорвать этот поцелуй, полный яда и страсти…

Но в последний миг я издевательски дунула ему прямо в нос и с силой наступила своим тяжелым уличным сапогом ему на ногу.

— Мечтай, зубастый, — ухмыльнулась я, пользуясь тем, что вампир от неожиданности ослабил хватку на моей талии.

Я ловко поднырнула под его рукой, подхватила с пола свой кинжал, сорвала со стеллажа ту самую пыльную папку, ради которой пришла, и на полной скорости рванула к выходу из Архива. Моия серебряная коса шлейфом взметнулась за спиной, дразняще полоснув Рика по лицу на прощание.

Аларик Вон Штерн остался стоять в темноте между стеллажами. Он медленно перевел взгляд на свой сапог, затем коснулся пальцами губ, на которых всё еще оставался тонкий, едва уловимый аромат дикой мяты.

Вампир тихо, хрипло рассмеялся, и этот смех заполнил всё пространство древней библиотеки.

— Чертовка, — прошептал Рик, провожая взглядом растаявший в темноте серебряный силуэт. — Ты будешь моей. Даже если ради этого мне придется сжечь всю Валорию.

Глава 9. Тлеющий пергамент.

Я бежала по подземным галереям так, словно за мной гналась вся стая оборотней Лесного Чертога. Кожаные сапоги бесшумно касались плит, но в ушах до сих пор стоял хриплый, порочный смех Аларика. Сердце колотилось в ребра как сумасшедшее. Внизу живота всё еще вибрировало странное, пугающее тепло от близости его твердого тела и леденящего дыхания, пахнущего сандалом и морозной ночью.

— Чертов Кровосос, — на ходу выдохнула я, плотнее прижимая к груди украденную папку. — Намотал он мои волосы… Педофил трехвековой. В следующий раз точно глаз выколю.

Я проскользнула в жилой сектор Серебряного Сада, когда тусклые магические фонари начали едва заметно бледнеть, уступая место утренним сумеркам. Прошмыгнув в комнату 214, я бесшумно закрыла дверь и загнала тяжелый засов до упора. Мирацель спала, отвернувшись к стене, и тихо посапывала.

Я сдернула с головы капюшон. Мои бесконечные серебряные волосы, освободившись от кожаных шнуров, тяжелой лавиной рассыпались по спине, доходя до самых ягодиц. Я скинула плащ, оставшись в одних кожаных штанах и облегающем черном топе. На плече и ключице наливался фиолетовый синяк — память о нашем утреннем танго на Арене. Я подошла к своему столу, зажгла крошечный масляный ночник и села на стул, поджав под себя одну ногу.

Передо мной лежала папка. Старая, обтянутая потрескавшейся от времени кожей, покрытая слоем серой архивной пыли. На обложке едва различимо проступал имперский штамп Валории: *«Секретные суды Короны. Дело 404. Особый статус»*.

Мои пальцы мелко дрожали . Шестнадцать лет ожидания. Шестнадцать лет грязных уличных драк, голода и выгрызания права на жизнь. Всё ради этого момента.

Я открыла папку. В нос ударил резкий запах старого пергамента, сургуча и горьких чар сокрытия. Первые несколько страниц были заполнены скучными канцелярскими рапортами на древнеэльфийском языке. Я бегло сканировала строчки, мои грозовые глаза сужались.

«...Род Иллитиэль обвинен в тайном сговоре с мятежниками Диких Земель. Изъяты артефакты зеркальной магии... Приказано ликвидировать очаг сопротивления в Южных провинциях во избежание расового раскола».

— Мятежники? Мой отец ненавидел Дикие Земли! — прошипела я сквозь зубы, чувствуя, как внутри закипает яростный огонь. — Ублюдки. Они просто состряпали фальшивку, чтобы забрать наши земли и уничтожить зеркальный дар.

Я перевернула страницу, и мой взгляд замер на пожелтевшем листе, скрепленном тяжелой сургучной печатью в виде оскаленной драконьей головы. Это был исполнительный лист. Приказ на уничтожение.

Я вчиталась в список тех, кто координировал ночную бойню в моём родовом замке. Дыхание перехватило. Глаза округлились, став стальными и холодными, как лезвие моего уличного кинжала.

«Ответственный за зачистку периметра и подавление сопротивления Живой Крови: Генерал Королевской Гвардии Валории, Лорд Калеб Вон Аш».

Калеб Вон Аш.

Тот самый огромный красный дракон, который сегодня на Арене с высокомерной ухмылкой гонял первокурсников. Нынешний декан Огненного Пика. Человек — точнее, ящер, — который стоял во главе армии, сжёгшей мой дом. Я до сих пор помнила этот удушливый багровый огонь, который не гас от обычной воды. Теперь я поняла. Это было драконье пламя. Пламя Калеба.

— Вот ты и попался, чешуйчатый индюк, — прошептала я. Голос дрожал от смеси дикой ярости и болезненного торжества. Кончики моих ногтей инстинктивно удлинились, прорывая плотный пергамент страницы.

Но это было еще не всё. Ниже, под подписью Калеба, стояла приписка, сделанная другими чернилами — густыми, темными, почти черными. Вампирскими чернилами на основе заговоренной крови.

«Внутренний контур замка зачищен Полуночным отрядом. Все ментальные носители и свидетели ликвидированы. Изъятый архив Хранителей передан на хранение в Окхейвен. Подтверждаю: Вон Штерн».

Я отшатнулась от стола, едва не опрокинув масляную лампу. Стул с тихим скрипом отъехал назад.

Вон Штерн.

В моих ушах мертвенным эхом отозвался бархатный голос Аларика, который всего час назад шептал мне на ухо в темноте: *«Я — единственный в этой Академии, кто знает, что ты ищешь...»*

— Он знал, — я закрыла лицо руками, чувствуя, как меня бьет крупная дрожь. — Этот вековой ублюдок… Его семья участвовала в резне. Они резали моих братьев.

Вся утренняя химия, весь этот дразнящий флирт в Архиве, его чувственные прикосновения к моим серебряным волосам — всё это мгновенно превратилось в грязный, мерзкий фарс. Он не просто играл со мной. Он охранял секреты своей преступной семьи. Он патрулировал Архив каждую ночь не ради порядка, а чтобы уличная девчонка никогда не узнала правду.

Я резко поднялась. Серебряная лавина волос взметнулась за моей спиной, словно разъяренная змея. Магия Живой Крови, подпитанная бешеной яростью, вышла из-под контроля. Прямо на подоконнике комнаты, пробивая белокаменную кладку, с бешеной скоростью начали прорастать черные колючие стебли дикого плюща. Они хищно извивались, ломая изящные цветочные горшки Мирацели.

— Лисс?.. Что происходит? — Мирацель испуганно подскочила на кровати, протирая глаза и с ужасом глядя на разрастающиеся по комнате сорняки. — Боги, твои волосы… они буквально светятся!

Я сделала глубокий рваный вдох, заставляя свою магию отступить. Плющ на подоконнике замер и мгновенно засох, превратившись в черную пыль. Я повернулась к испуганной сожительнице, её лицо было бледным, а глаза горели ледяной, потусторонней решимостью.

— Всё нормально, Мира. Просто кошмар приснился, — тихо, но так, что у блондинки побежали мурашки по коже.

Я бережно закрыла папку, спрятала её под матрас своей кровати и подошла к окну. За стеклом туманный Окхейвен медленно окрашивался в кроваво-розовые тона рассвета. Я смотрела на далекие, острые шпили Полуночного Бастиона, где сейчас, возможно, стоял у окна Аларик.

— Ты думал, что поймал меня в свои сети, Кровосос? — прошептала я, сжимая кулаки так, что ногти вонзились в ладони. — Ты думал, что сможешь контролировать меня своей фальшивой заботой? Ошибся. Теперь это не просто поиски. Теперь это война. И я начну её с твоего драконьего дружка, а закончу тобой.

Учеба в Академии Четырех Граней официально закончилась. Начиналась кровавая вендетта, и я собиралась сыграть в неё по своим, уличным правилам.

Глава 10. Лёд и паранойя.

Я не сомкнула глаз до самого утра. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь матовые стеклянные купола Серебряного Сада, казались мне блеклыми и раздражающими. За занавеской тихо шуршала Мирацель, стараясь не шуметь и испуганно косясь на иссохшие, превратившиеся в черную труху стебли дикого плюща на подоконнике. Я же сидела на кровати, бездумно наматывая на кулак тяжелую серебряную косу.

Всю ночь в моей голове крутились две фамилии: *Вон Аш* и *Вон Штерн*. Два палача моей семьи. Один — дракон, который сжигал мой дом. Второй — вампир, чей отряд добивал выживших. И сын этого вампира всего несколько часов назад прижимал меня к стеллажу в темном Архиве, гладил мои волосы своими холодными пальцами и шептал на моё ухо настоящее имя.

— Ублюдок, — хрипло прошептала я, и мои грозовые глаза потемнели до цвета грозовой тучи. — Тварь аристократическая. Ты играл со мной. Расставил ловушку, чтобы я сама пришла к тебе в руки.

Я резко поднялась, швырнув косу за спину. Волосы тяжелым серебряным шлейфом качнулись вдоль бедер, едва не задев пол. Я решительно вытащила из-под матраса украденную папку, тщательно завернула её в старый холщовый мешок и спрятала на самое дно своего потрепанного баула, завалив грязными уличными вещами.

Сегодня я была готова к войне. Надела академическую форму, но снова безжалостно обрезала подол зеленой мантии, превратив его в вызывающе короткое полотно, затянула кожаный корсет так, что грудь высоко вздымалась при каждом рваном вдохе, и проверила, легко ли выходят из ножен на поясе оба моих уличных кинжала. Мой язвительный язык был заточен, а кулаки зудели от желания подправить Аларику его идеальное мраморное лицо. На этот раз окончательно.

— Лисс, ты… ты идешь на завтрак? — робко спросила Мирацель у самой двери.

— Иду, Мира. Иду жрать чужие нервы, — процедила я, оскалив ровные белые зубы.

Общий Зал Академии Четырех Граней бурлил, как растревоженный улей. Студенты шумно обсуждали вчерашний поединок на Арене, тыкая пальцами в сторону эльфийского стола. Я шла мимо рядов, гордо вскинув подбородок. Мои серебряная лавина волос привлекала взгляды всех присутствующих — от чешуйчатых драконов до шумных оборотней.

Бьорн уже ждал меня у прохода, широко улыбаясь и держа в руке огромную кружку с травяным отваром.

— О, мелкая! Живая! — прогудел медведь, но тут же осекся, заметив ледяное, застывшее выражение моём лица. — Эй, ты чего такая кислая? Вчерашние синяки болят?

— Синяки заживут, Бьорн, — тихо, но отчетливо ответила я, сканируя глазами затененную часть зала, где обычно сидели вампиры. — А вот некоторые Кровососы сегодня ответят за свои вековые грехи.

Я увидела его почти сразу. Аларик Вон Штерн сидел в своем привычном кресле с высокой спинкой. На нем была безупречно отглаженная черная мантия с кроваво-красным подкладом, белая шелковая рубашка, расстегнутая на верхнюю пуговицу, и неизменный фамильный перстень с рубином на длинном бледном пальце. На его щеке, которую Лисся вчера исполосовала ногтями, не было ни единого следа — идеальная, фарфоровая кожа, точеные скулы, дьявольски красивая внешность. Он сидел, лениво подперев подбородок рукой, и слушал, как Кристиан что-то увлеченно рассказывает ему, листая свиток.

Я сделала глубокий вдох. Моя Магия Живой Крови внутри запульсировала, готовая вырваться наружу и разнести этот зал к чертям. Я уверенно, чеканя шаг тяжелыми сапогами, направилась прямиком к вампирскому столу. Студенты вокруг начали затихать, предвкушая новое шоу. Бьорн испуганно двинулся следом, готовый ловить свою безумную подругу.

Я остановилась в двух шагах от Аларика. Уперла руки в бока, заставив рваные края зеленой мантии взметнуться, и вызывающе уставилась на него своими грозовыми глазами.

— Ну привет, ночной патрульный, — громко, с явным издевательством в голосе произнесла я. — Как спалось? Гробик не жал? Или тебе напомнить, о чем мы так мило шептались среди пыльных книжных полок?

По залу пронесся коллективный вздох. Вампиры за столом замерли, Кристиан медленно опустил свиток, а Мирацель у дверей Сада едва не грохнулась в обморок. О «шепоте в темноте» между уличной эльфийкой и вековым старостой Полуночного Бастиона никто не имел понятия.

Я ждала всего: что он вскочит, что его глаза вспыхнут багровым огнем, что он попытается снова ударить меня ментальной магией (которая всё равно разобьется о мой Зеркальный Щит). Я была готова выплюнуть ему в лицо всю правду о его отце и Полуночном отряде.

Но произошедшее дальше заставило меня застыть на месте, словно облили ледяной водой.

Аларик медленно, невероятно плавно повернул голову в мо. сторону. Его золотые глаза были абсолютно спокойными, чистыми и… пустыми. В них не было ни капли вчерашней страсти, ни злости, ни узнавания. Он посмотрел на меня так, словно перед ним стояла назойливая муха или безликая служанка из человеческого городка.

Вампир скользнул взглядом по моему лицу, мимоходом отметил растрепавшиеся серебряные пряди и вернулся к своему свитку.

— Леди… Иллитиэль, кажется? — его бархатный голос провучал на удивление скучающе и отстраненно. — Если вы хотите обсудить правила ночного комендантского часа или подать жалобу на утренние отработки, обратитесь к моему секретарю. Я не занимаюсь первокурсниками вне учебных заданий. Кристиан, продолжай. Что там со сборами на Межрасовый Турнир?

Кристиан ухмыльнулся, бросив на меня победный взгляд, и снова зашуршал пергаментом.

Я осталась стоять с приоткрытым ртом. Воздух со свистом вышел из моих легких. Показалось, что меня с размаху ударили обухом по голове.

— Что?.. — выдохнула я, теряя свою привычную язвительность. — Ты… ты серьезно сейчас, Кровосос? Ты решил включить амнезию? После того, как ночью…

— Леди, вы свободны, — сухо, даже не поднимая глаз от документов, перебил меня Аларик. В его голосе сквозило такое ледяное, царственное пренебрежение, от которого у меня задрожали колени. Не от страха — от дикой, удушающей обиды и растерянности. — Не устраивайте сцен в Общем Зале. Это утомляет.

Бьорн аккуратно положил свою огромную ладонь мне на плечо и мягко потянул назад.

— Лисс, пойдем… Пойдем отсюда, мелкая. Все смотрят, — тихо прогудел оборотень.

Я позволила увести себя. Шла обратно к эльфийскому столу, чувствуя, как мои щеки горят от стыда и непонимания. За спиной шептались драконы, а друзья Кайдена откровенно ржали, радуясь, что наглую девку так публично осадили.

Усевшись на скамью, я уставилась в свою тарелку, к которой даже не притронулась. В голове царил настоящий хаос.

«Этого не может быть, — судорожно думала она, сжимая вилки так, что металл начал гнуться под её пальцами. — Он не мог забыть. Он держал меня за талию. Он знал про мой род. Он назвал мое имя!»

И тут мой уличный, привыкший к вечным подвохам разум подкинул страшную, отравляющую мысль.

А что, если всё это… была шутка?

Что, если Аларик — этот трехвековой, изощренный монстр — просто разыграл меня? Он ведь менталист высшего уровня. Что, если он с самого начала знал, зачем я приехала, и

решил устроить мне жестокий, извращенный спектакль? Подстроил мою «вылазку», подложил нужную папку с фальшивыми именами его отца и Калеба, разыграл эту сцену с флиртом в темноте, заставил меня поверить в то, что моя тайна раскрыта… просто чтобы поржать? Чтобы посмотреть, как глупая уличная девчонка будет метаться, испуганная и обозленная, утренней поркой? Показать мне, насколько я ничтожна по сравнению с его вековым величием?

«Он просто издевается надо мной, — я почувствовала, как к горлу подступает горький ком. — Он развлекается. Для него я — просто забавная уличная игрушка с серебряным хвостом, которую можно подразнить ночью, а утром выкинуть и сделать вид, что ничего не было».

Ярость, которая еще час назад была чистой и направленной на месть, теперь превратилась в липкую, удушающую паранойю. Я больше не была уверена ни в чем. Была ли папка настоящей? Действительно ли Калеб сжег мой дом? Или Аларик Вон Штерн просто мастерски сыграл на моих старых шрамах, состряпав этот ночной кошмар, чтобы сломать изнутри, раз уж не смог сломать мой разум на Арене?

Я подняла глаза и снова посмотрела через весь зал на вампирский стол. Аларик сидел спиной ко мне, спокойно попивая что-то из кубка, и ни один мускул на его идеальном лице не выдавал того, что ночью он едва не поцеловал меня в темноте Архива.

— Ну хорошо, Кровосос, — прошептала я, и мои пальцы окончательно согнули зубья вилки в узел. — Ты думаешь, что ты великий кукловод? Ты думаешь, что уличная девка поплачет и сломается от твоего игнора? Хрен тебе. Если это игра — я приму её правила. Но выигрывать я буду по-своему. По-кабацки.

Глава 11. Кабацкие правила.

Завтрак превратился в пытку. Я сидела за эльфийским столом, механически кроша лепешку, не чувствуя вкуса. Согнутую вилку я спрятала под тарелку, чтобы Мирацель не увидела и не упала в обморок. Глаза сами то и дело возвращались к вампирскому столу, к прямой, непроницаемой спине Аларика, к его лениво поднятому кубку, к безупречной осанке.

Бьорн рядом молча поглощал свой завтрак, изредка бросая на меня тревожные взгляды. Он возможно чувствовал, что внутри его маленькой подруги что-то сломалось и склеивается заново в другой, ещё более опасной форме.

— Медведь, — вдруг тихо, без тени язвительности произнесла я. — Мне нужна твоя помощь. Не вопросы, не сочувствие. Просто помощь.

Бьорн перестал жевать и повернул ко мне свою огромную, заросшую русой щетиной голову.

— Слушаю, мелкая.

— Мне нужно попасть в город. Сегодня. К Гвенде. Она держит лавку зелий у Восточных ворот. Она знала моего отца. Если кто и скажет мне правду про Полуночный отряд и Вон Штерна-старшего, то это она.

Бьорн нахмурился, сведя густые брови к переносице.

— Лисс, самоволка в город — это отчисление. А тебя и так Калеб метит. И потом… — он понизил голос, наклоняясь, — тебе не кажется, что этот ночной клыкастый за тобой следит? Я чую его запах в коридорах Серебряного Сада. Его тут быть не должно.

Я стиснула зубы. Паранойя, которая весь день шептала мне про изощренную игру, взвыла с новой силой.

— Тем более мне нужны ответы, пока он играет в свои куклы, — процедила я. — Есть старый служебный ход через заброшенные оранжереи. Он выходит к подножию крепостной стены, там пролом в кладке. Мира рассказывала, что эльфы раньше использовали его для доставки редких растений. Охрана туда не ходит — всё заросло плющом, а защитные руны давно осыпались.

— Откуда ты знаешь, что руны осыпались? — подозрительно прищурился Бьорн.

— Я вчера проверила, — я впервые за утро криво ухмыльнулась. — У меня были бессонница и пара свободных часов.

Бьорн тяжело вздохнул, доел лепешку и вытер руки о штаны.

— Ладно. Когда?

— После обеда. На последней лекции по расовой истории все блоки в сборе, стража переключается на Большую Аудиторию. Коридоры пустые. Встретимся у старой оранжереи.

— Опасно это, мелкая, — буркнул медведь, но встал и пошел за мной к выходу из зала, заслоняя своей широкой спиной от любопытных глаз.

Оставшиеся часы до обеда я провела в комнате. Заперлась, вытащила из баула холщовый мешок с папкой и перечитала её в третий раз, медленно, по строчке. Имена Вон Аш и Вон Штерн смотрели на меня с пожелтевшего пергамента, как два немых обвинения. Калеб Вон Аш — «координатор операции, огненный зачист». Аларик Вон Штерн-старший — «командир Полуночного отряда, ментальная блокировка, контроль свидетелей».

Отец Аларика. Командовал отрядом, который добивал выживших.

«А сын просто стоит и делает вид, что не помнит моего имени, — думала я, и каждая мысль отдавалась тупым стуком в висках. — Может, он действительно не знает? Может, отец действовал без его ведома? А может, он всё знает, и папка — приманка, и я ведусь, как дура».

я убрала папку обратно и завалила грязными вещами. Потом долго стояла у окна, глядя на туманные шпили Полуночного Бастиона. Где-то там, за каменными стенами, Аларик Вон Штерн, возможно, прямо сейчас смеялся надо мной.

Я тряхнула головой, прогоняя липкие мысли. Плевать. Я приняла решение. Сегодня — Гвенда. Завтра — новые данные. А с Кровососом я разберется потом. Когда будет знать наверняка.

Послеобеденная лекция магистра Мортимера тянулась мучительно долго. Я сидела на галёрке, пряча лицо за разворотом тетради, и каждые пять минут бросала взгляд на массивные часы над кафедрой. Аларик сидел на своем привычном месте в среднем ряду. Его идеальная осанка, холодное лицо и рассеянный интерес к лекции не выдавали ровным счётом ничего. Ни намека на вчерашнюю ночь. Ни тени узнавания. Я сжала перо так, что пальцы побелели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.